
Регина РАФИКОВА

ТУДА, КУДА

«Внуча, мясо не жарь с кровью: ходит коронавирус». — «Баба, не надо бояться смерти в семьдесят», — втором регионе, а мне семнадцать, и вроде бы я в Москве где-то числюсь и не отчислюсь, ну так сколько?

В семье у таксиста? трое девочек, лет по двадцать.

«Вот это выдался день: с утра подвозил жениха, ехали за цветами. Видели синее небо. Не беру мясо на рынке», — «ауди» — и нормально, но так хочется, чтобы вы молоко целовали в крынку. Этот ужас только на ушко или трепетно-мануально, главное, чтобы снаружи вы орально не тужились в стужу.

«Ну, представьте, что и у нас было такое небо», — знали бы вы, откуда везете меня,

прямо это туда, прямо это куда.

Ре: ты садишься ко мне на кровать, простыня — снова наша кожа, а в ладони моей: можно? начинаю тебя листать: «Я хочу тебя», «Слава Богу», — Боже, правда, что жизнь — дорога, дорогая, куда шагать? только правда — это попсово, ну а ты не ребенок толстого.

Он все знает: четверо деток, трое девочек, лет по двадцать. Напевает тюменским тембром: «Ну, это, так-то да». «Позавчера вез девушку из Уханя, — завтра забуду, сейчас регион Китая». Дедушка, мне везет — даже в самой Адамовой личке я такая же им сестра и когда-то ему не дала без меня давать имена: слишком детское личико.

«МУТАНТ», ВЫСТАВКА

Как пошутила бабушка первоапрельским вечером — здравствуйте, ваши плечи в сколиозе противоречий. В акриловой драпировке: мальчик хочет остаться неловким.

Регина Римовна Рафикова родилась в 1999 году в Тюмени. Образование: МГУ, филологический факультет (2017 год поступления), публикация на «сигме»: https://syg.ma/@rare_rim/vsie-ieshchie-diskurs. Живет в Москве.

Фарфоровый лоб Мадонны анонсирует мой лобок. Ты недавно
лизал колонны, сам — короткий и звонкий вдох.

Молчишь. А вокруг — вагины. отлитый — вылитый стыд?
силиконовые лепестки.
Просто нравится быть
красивым:
экстатически — и застыть.

На привычном тебе вернисаже все же так же колкий ребенок:
сублимируешь лебедя, влюбленного в боль об умершем гадком
утенке.

GARDEN

Принесите красный фарфор и стряхните крошки асфальта.
Я соскучилась! Вы, за стойкой, застойные длинные братья, почему
брауни нет? Было потное, с шоколадом и черничный холодный
шарик. Есть другое — жевать дрожжевой разговор: у кого-то
сегодня встанет.

Гимназия, светофор, Настя снова на Мальте. С каждым годом
из этой провинции уезжают новые лица.
Наливайте проточный пурвер. За пять лет открыть пять кофеен,
разучиться готовить кофе.
Я одна живу, мне немножко. Выливайте — вода, кислинка.
На знакомой футболке линька: у вас кошка, я Леля, вы Минька.

Ре: Нам сегодня держать не сдержаться, ставлю чашу — дрожит
на блюде: как-то, странно, вибрации — раньше было, сегодня
не будет. Глазами по клетчатой ткани, оборваться на первой
пуговице. Коснуться первой ромашки, не считаю —
и не получится.

Старшеклассницы сели за столик, обновили плей-лист
«медитация». Свое детское успокоиться пролила двойным
надышаться: сет эспresso, сердцебиение — он поскальзывается,
хромает. И сейчас черт его знает.

ДЕТСКИЙ САД

Провода на ветру сорвало, и легли, как всегда, крест-накрест.
Там за нас прочитали акафист, где придумали синий газ называть
электрическим светом и смотреть под открытым небом в
парке горького чье-то лето. Эй, алеша, пойдем пешком: там я в
синем газовом платье наливаю пламенный пунш, просыпаюсь
в холодном белом.

Закрываешь за мной двери обеденной изоляции, ухожу
под российский дождь в райское пространство — там растёт
детское дерево и любви у меня немерено.
Делаю намерение.

Было время — любили клеить на каждую новую клетку
по искреннему рублю. Отвечали на каждый вызов: постмодернист
нападает снизу — мозаичный концепт сорвется, полетим
к золотому солнцу. Заодно и ко мне в кабинет, там я дам
для тебя обет:

На двоих у нас будет синее — повенчано от начала. Страшно,
как будто Лара, а не детское, аскетичное апельсиновое — звучит
как мороженое, имитирующее зиму. Мы вдвоем, между нами
Живаго, я недавно запостила фразу: не ментальная связь,
а один источник цитирования,

В ней комфортно и дистиллированно, потому что неправда
как мило. Это выдержка вплоть до белого пластика и белка
без единого капилляра, я последние дни рядом, пока бьется кровь
человека — там нога его наступала и мечтала испить чистое,
пенистое белое — каменная вода и летает, как водопад.

В ней оливковые ветви разобьет кипятик вдребезги: я мечтаю
смотреть на камчатские страшные гейзеры. А с тобой, значит,
только silentium.

РОМАШКА

ты мечта, а не человек,
люби меня, будь добр
каждый камень народной
мудрости
глядит и летит в оба
удобряемых огорода:
это и есть природа
брачного договора.

а он говорит глупости
дорогой, двоеточие,
если ты только хочешь,
но тогда ты меня не любишь
и не видишь, что я ромашка:
говоришь о хвойных деревьях,
потому что я темная, резкая.
ну суши свои лепестки,
льсти себе — и глотай леску,

если ты малёк недалёк,

Божье солнышко светит на всех полевых и квартирных деток,
любит любит и чайных, и белых,
мне-то какое дело?

а мне горько — и ты не выпьешь
воду, спирт и березовый сок
и мой долгий, до самой матки,
ручьевой и ручной голосок.

когда были вдвоем и ручьем
и сказали друг другу: пойдем,
ты оставил весенний родник,
воду свежую на двоих,
чтобы выкопать свой водоем.

будь ты одним,
даже таким — ладно.
антропоцен без идеи современного скипидара,
твердый здоровый падла, разжевал бы растительность тем,
как большая спокойная панда.
но ты тоже смешная ромашка,
растеряшка и улыбашка,
и ты любишь и сладко, и складно,
и чего ты тогда поник?

СУП И СТЕЙК

тот мужчина любил суп, наваристый и горячий, мясо в моей
жизни — слово живой любви. я сказала: готовь с кровью, насыпай
на двоих перец и купай вечера в гранате,
не заметишь, как через год мы сыграем свадьбу в Кронштадте.
он ответил, что не бывал в милитаристском аде и мои грубые нате
никогда не включит в счет. это тихий портовый город, милый,
а ты о чем?

он мечтает, что станет отцом своего супового
набора и доварит его до логичного и желейного конца —
так удачно,
а я жалею: остывает
до холодца.

с кем я слышала голос собора и любила живаго Бога?
где орел, что клевал мою печень, подливал в холодный бокал,
а пока разъедали вина языческое вечно и народно растущий вечер,
тем же клювом стекло целовал?

думал, думал, да в суп попал.